

На правах рукописи

САРКИСОВА Элина Владиславовна

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СТРАТЕГИЙ И СТРУКТУРНЫХ ОПОР
ПРИ ИДЕНТИФИКАЦИИ НЕЗНАКОМОГО СЛОВА

10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Тверь – 2014

Работа выполнена на кафедре английского языка ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет».

Научный руководитель –

Залевская Александра Александровна – заслуженный деятель науки РФ, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английского языка ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет».

Официальные оппоненты:

Салихова Эльвина Ахнафовна – доктор филологических наук, профессор кафедры языковой коммуникации и психолингвистики ФГБОУ ВПО «Уфимский государственный авиационный технический университет»;

Корниевская Светлана Игоревна – кандидат филологических наук, преподаватель ООО «Дельта Интерконтакт», г. Тверь.

Ведущая организация –

Институт филологии и массовой коммуникации Бурятского государственного университета.

Защита состоится «__» _____ 2014 г. в __ час. __ мин. на заседании диссертационного совета Д 212.263.03 в Тверском государственном университете по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ауд. 206.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Тверского государственного университета по адресу: Россия, г. Тверь, ул. Володарского, 44.

Отзывы можно направлять по адресу: Россия, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33, ТвГУ, учёному секретарю диссовета Д 212.263.03.

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета Д 212.263.03
доктор филологических наук, доцент

Н.О. Золотова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена изучению специфики функционирования и взаимодействия стратегий и структурных опор при идентификации слова.

Актуальность работы определяется потребностью полученных результатов для повышения эффективности взаимопонимания при общении, поскольку идентификация слова составляет начальный этап процесса понимания сообщения / текста.

Объектом исследования выступает идентификация слова как условие / инструмент понимания текста.

Предметом исследования являются стратегии и опоры, функционирующие при идентификации читаемого слова.

Гипотеза исследования предполагает постоянное взаимодействие разного рода стратегий и опор в ходе идентификации читаемого слова при особой роли метакогнитивных усилий (далее – метакомпонента) в ситуациях затруднений при установлении формы и значения идентифицируемого слова.

Целью исследования является разработка психолингвистической модели процесса идентификации читаемого незнакомого слова, отображающей взаимодействие стратегий и опор и работу метакомпонента.

В соответствии с общей целью диссертации в исследовании решаются следующие конкретные *задачи*:

- анализ научных публикаций по теме исследования с фокусированием на существующих моделях процесса идентификации незнакомого слова;
- отбор материала для исследования на основании поставленной цели и результатов анализа научной литературы;
- выделение различных аспектов процесса идентификации читаемого незнакомого слова, что в свою очередь предполагает:
 - а) определение основных характеристик процесса чтения;
 - б) оценку роли рефлексивной деятельности индивида при осуществлении догадки о значении незнакомого слова и, соответственно, обзор имеющейся литературы о роли метакогнитивных и метаязыковых способностей в процессе идентификации слова;
- организация и проведение многоэтапного экспериментального исследования процесса идентификации незнакомого слова изолированно и в контексте;
- осуществление сопоставительного анализа результатов, полученных на разных этапах исследования, с последующим выделением системы приоритетов в зависимости от характера заданий и условий эксперимента;
- выявление стратегий, схем действий и опорных элементов, к которым прибегли реципиенты;
- проведение вертикального и горизонтального анализа полученных результатов с последующим построением модели процесса идентификации незнакомого слова.

В качестве *методов исследования* использовались теоретический анализ интегративного типа, методы наблюдения, сравнения и синтеза, набор экспериментальных процедур, отвечающих целям исследования, метод количественной и качественной обработки экспериментальных данных с последующим сопоставительным анализом результатов всех этапов эксперимента, метод моделирования, обобщение теоретических и экспериментальных данных.

Материалом исследования, проведённого в 2009–2014 гг., послужили разные по характеру незнакомые слова: псевдофразы на русском языке (эксперимент 1); текст на языке эсперанто (эксперимент 2); неологизмы, окказионализмы и незнакомые слова английского языка, а также предложения с этими словами (эксперимент 3); слова и предложения русского языка (эксперимент 4); псевдофраза на английском языке (эксперимент 5).

Научная новизна работы определяется фокусированием на метакомпоненте процесса идентификации слова и вариативностью экспериментальных материалов, способов их презентации, а также особенностей испытуемых (далее – Ии.).

Теоретическая значимость исследования состоит в обосновании роли метакомпонента и разностороннем описании его характеристик как инструмента, посредством которого вырабатываются навыки учёта возможных опорных элементов при идентификации слова.

Практическая значимость исследования определяется важностью целенаправленного формирования метакомпонента процесса идентификации слова, акцентирующего внимание на опорных элементах и признаках языковых явлений, помогающих строить догадку о значении незнакомого слова. Таким образом, результаты исследования могут составить вклад в повышение эффективности обучения родному и иностранному языкам, в повышение уровня успешности взаимопонимания при общении.

В результате проведённого исследования сформулированы и выносятся на защиту следующие *положения*.

1. Процесс идентификации слова является многоуровневым и характеризуется динамичностью.

2. Стратегии и опоры разного характера (как языковые, так и неязыковые) взаимодействуют при идентификации значения слова и понимании сообщения / текста: языковые (структурные) опоры обеспечивают доступ к признакам именуемых сущностей (объектов, действий, состояний и т.д.).

3. При идентификации незнакомого слова особую роль играет рефлексивный компонент выполняемой деятельности – метакомпонент.

4. Целенаправленное формирование базовых стратегий и структурных опор, способствующих успешной идентификации слова, должно осуществляться при обучении как родному, так и второму / иностранному языку, что необходимо для повышения эффективности понимания текста и взаимопонимания при общении.

Апробация результатов исследования: основные положения и результаты работы изложены в докладах на международных, всероссийских и

региональных конференциях, в том числе на межвузовской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты» (Тверь, ТвГУ, 2009, 2010, 2013, 2014); в ходе I Всероссийской электронной научно-практической конференции-форуме молодых учёных и специалистов «Современная российская наука глазами молодых исследователей – 2011» (Красноярск, февраль 2011); III Общероссийской студенческой электронной научной конференции «Студенческий научный форум 2011»; XVIII и XIX Международных конференциях студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов» (Москва, МГУ, 2011, 2012); VI международной заочной научно-практической конференции «Научная дискуссия: инновации в современном мире» (Москва, 2012); 3rd international research and practice conference «European science and technology» (Мюнхен, октябрь 2012); работа отмечена дипломом по результатам участия в открытом конкурсе на лучшую работу студентов по естественным, техническим и гуманитарным наукам в вузах Российской Федерации (2009).

По теме исследования опубликована 21 работа общим объёмом 6,6 п. л. (5 из них в рецензируемых научных изданиях).

Цель и задачи исследования определили структуру работы, которая состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются его объект и предмет, описываются цель и задачи, использованные методы, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы.

В первой главе «Понятие идентификации слова и чтение как его основа» рассматривается понятие идентификации, носящее междисциплинарный характер, проводится обзор различных подходов к процессу восприятия текста и того, как соотносится чтение с процессом идентификации слова.

В реферируемой диссертации показано, что понятие идентификации носит междисциплинарный характер, ни один из существующих на данный момент подходов нельзя считать общенаучным и основополагающим. В нашей работе мы также стоим на позиции интегративного подхода к вопросам идентификации, не ограничивая себя лишь языковой областью. Идентификация определяется как признание тождественности, опознание. Вслед за Н.Д. Арутюновой мы полагаем, что акт идентификации состоит в сопоставлении данных в непосредственном наблюдении свойств и признаков с впечатлениями и сведениями, вытекающими из прошлого опыта (Арутюнова 1998). По сути, такая трактовка представляет собой синтез существующих в лингвистике подходов к проблеме идентификации слова. Для решения задач исследования мы подробно рассмотрели: 1) когнитивный подход (конструктивное

восприятие); 2) экологический подход (прямое восприятие); 3) информационный подход.

Когнитивный подход к восприятию и обработке информации представлен когнитивными теориями конструктивного восприятия (Асмолов 2002; Bruner, 1957, 1961; Gregory, 1980; Rock, 1983), базирующимися на идее множественности источников выбора, к которым относятся: сенсорные данные, извлекаемые из долговременной памяти знания, выводное знание и знание контекста, предшествующий опыт и др. Согласно конструктивистам, все эти знания ассимилируются нами на подсознательном уровне, порождая определённый перцепт.

Полярную позицию занимает *экологический подход* Дж. Гибсона (Gibson 1950, 1966, 1979; Goldstein 1980, 1981), придающий первостепенное значение информации, получаемой из сенсорного контекста, следовательно, находящейся в самом воспринимаемом слове. Когнитивные же процессы более высокого порядка и предшествующий опыт оказываются необязательными для осуществления идентификации. Такое понимание процесса восприятия значительно сужает поле действия, ограничивая индивида в принятии решения, поскольку исключает действие пространственно-временных отношений среды и возможность антиципации получаемой информации. При таком подходе восприятие предстаёт статичным, неживым. Конструктивисты же рассматривают восприятие как процесс, как некий континуум, берущий начало в пространственно-временных и семантических системах отсчёта и имеющий целью построение / конструирование некоего образа.

Информационный подход описывает построение догадки индивидом алгоритмически – задаётся логическая последовательность процессов, начинающаяся с восприятия физических (зрительных и/или акустических) характеристик идентифицируемого слова, включающая возможные варианты его декодирования и этапы выбора ответа. Всё это осуществляется посредством определённых правил и операций. Тем не менее, не стоит забывать, что объективная реальность живёт своей собственной жизнью, не подчиняющейся «законам» информационного подхода, стремящегося «подогнать» её под свои правила. Плюс информационного подхода заключается в представлении сложных процессов как суммы более простых; процесс восприятия представлен как поступательное движение от простых структур к более сложным. С этих позиций нельзя не упомянуть Л. Барсалоу (Barsalou 2012) и его идею встречного конструирования из элементов прошлого опыта, включающего продукты переработки опыта общения и познания мира, в ситуациях, когда мы пытаемся понять, о чём идёт речь. При этом происходит активация различных связей, обеспечивающих переживание воспринимаемого слова как понятного.

Не способные «поодиночке» построить теорию высокой объяснительной силы, в комплексе когнитивная, экологическая и информационная парадигмы позволяют рассматривать восприятие как некий континуум, предполагающий антиципацию, получение, структурирование информации, а также действие когнитивных процессов разных уровней абстракции и осознанности. Всё это

предполагает множественность используемых стратегий. В результате порождается перцептивный образ / гештальт. Полученный образ является результатом взаимовлияния культуры, психофизиологии, мышления, языка и сознания, т.е. результатом когнитивно-дискурсивной деятельности. В этом случае слово предстаёт как носитель всей информации о многоуровневой системе взаимодействий, которая, однако, не характеризуется принципом иерархичности, а организована гетерархично, поскольку мы не знаем, по какому каналу начнётся первичная обработка информации, а также в каком направлении она развернётся (пространственно-временная ось); кроме того, не исключена и параллельность обработки информации, получаемой по разномодальным каналам.

Говоря об экологическом компоненте, нельзя не отметить, что в основе восприятия письменно представленного слова всегда лежит чтение как визуальное восприятие, распознавание графического образа слова, которое определяется биологическими характеристиками реципиента (человека как представителя вида). Когнитивный же компонент требует участия рацио-составляющей поведения индивида, что предполагает включение психологического компонента в процесс восприятия, следовательно, чтения. Учитывая сказанное выше, мы не могли обойти вниманием проблему чтения как нейропсихолингвистического процесса.

В рамках исследования нами были рассмотрены: 1) логогенные модели чтения; 2) двусистемная каскадная модель визуального опознавания слов и чтения вслух.

Логогенные модели – это коннекционистские односистемные модели, поскольку произношение и чтение слова формируется на основе правил графемно-фонемных соответствий. Иначе работают *двусистемные модели*, предполагающие два пути восприятия слов. В первом случае речь идёт о лексическом пути, когда слову приписывается готовое произношение, что характерно для частотных слов, во втором случае – о сублексическом пути, предполагающем использование правил графемно-фонемных соответствий. В любом случае процесс идентификации слова выходит далеко за восприятие исключительно физических / сенсорных характеристик (Seidenberg, Plaut 2006), на которых и сфокусированы рассмотренные нами модели, о чём свидетельствует рефлексивная функция значения слова, представленная нами как метакомпонент.

Во второй главе «Метакомпонент в процессе идентификации слова» рассматриваются существующие трактовки понятия метаязыковых способностей, описываются принципы и модели функционирования метаязыковых способностей, приводятся примеры проявления метакомпонента при идентификации незнакомого слова. Метаязыковые способности определяются по-разному, тем не менее, все имеющиеся определения отражают рефлексивную составляющую метакомпонента и указывают на чувствительность / восприимчивость индивида к элементам языка.

Рассмотрению различных концепций метаязыкового развития служит следующая идея: формирование метаязыковой компетенции находится в прямой зависимости от когнитивного развития (Schöler 1986). Наряду с этим выделяют гипотезу Э. Бялисток об опоре метаязыкового развития как на языковое, так и на когнитивное развитие в целом, что составило основу предложенной автором двухкомпонентной модели метаязыкового развития (Bialystok 1985, 1986). Эту гипотезу поддерживает и Дж. Гомберт, однако, несколько модифицируя предложенную Э. Бялисток модель и дополняя её третьим и четвёртым компонентами (Gombert 1992). Нельзя не упомянуть взгляды М. Валера на обсуждаемый вопрос и выдвинутую им трёхкомпонентную модель метаязыкового развития: формирование и принцип функционирования метаязыковых способностей обусловлены изменениями в языковом поведении индивида (Waller <http>). В нашем исследовании подробно рассмотрены упомянутые модели и сделан вывод о влиянии метакомпонента на процесс идентификации слова. Изученный материал систематизирован с помощью схем, см. рис. 1, пункты (А), (Б), (В) соответственно.

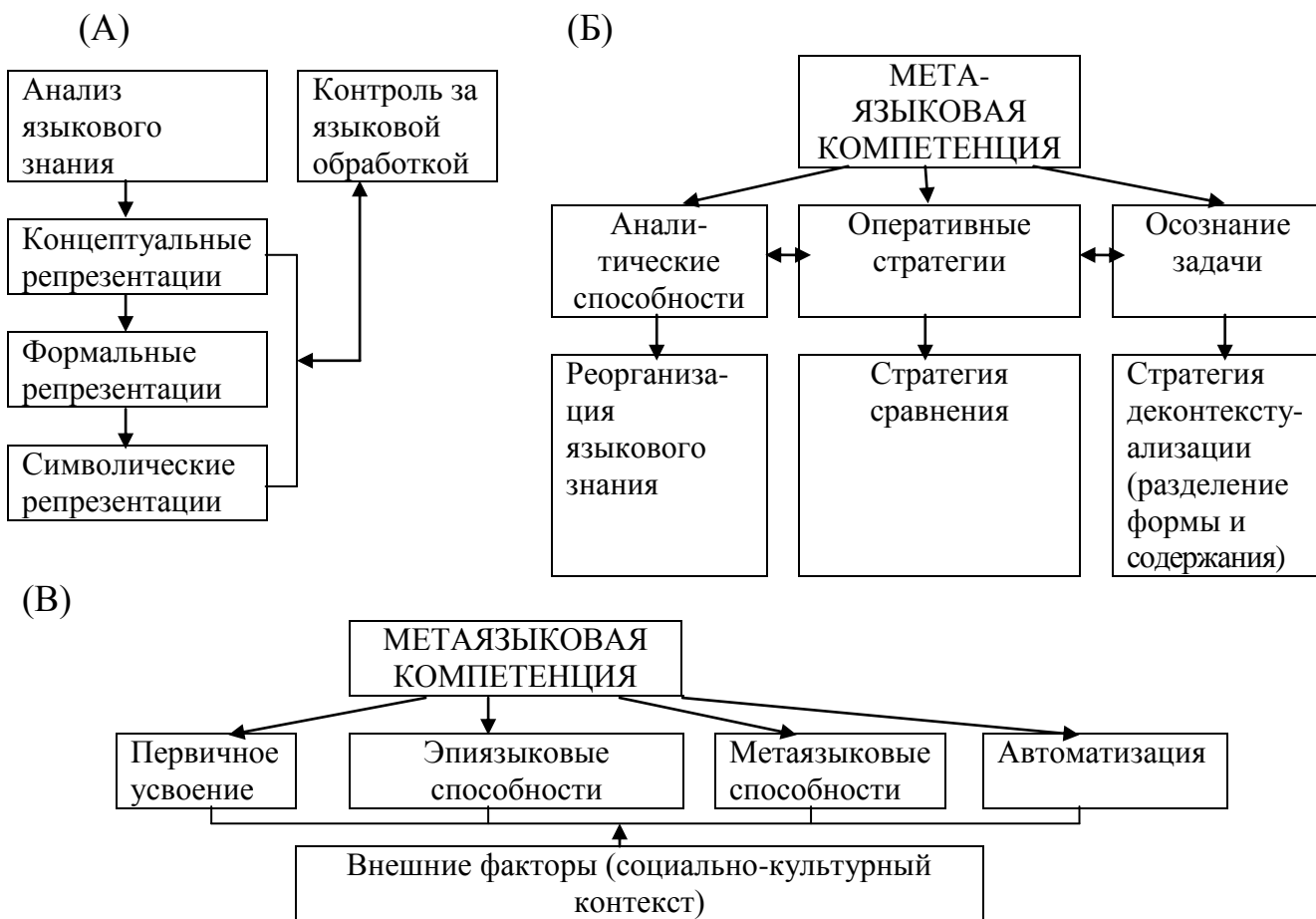


Рис. 1

Подводя итог рассмотрению основных моделей метаязыкового развития, можно сказать, что все они в большей или меньшей степени основаны на выдвинутой в (Schöler 1986) гипотезе взаимосвязи между метаязыковыми и

метакогнитивными способностями в целом и сводятся, по сути, к следующему: первичное усвоение, предполагающее этап постижения и анализа слова / текста с последующим выходом на смысл по индуктивному принципу, т.е. от смысла отдельных единиц до смысла целостного текста, побуждает задуматься о наличном арсенале средств, необходимых для «расшифровки» предъявленного материала как результата деятельности, после чего наступает этап самоконтроля / самокоррекции, носящий интегративно-селективный характер. Однако рассмотренные модели различаются отношением к роли окружения индивида, т.е. внешним факторам, которые наиболее явно позиционируются в модели Дж. Гомберта. Автор отмечает, что внутреннее структурирование когнитивного и языкового опыта основано на обменных процессах между воспринимающим сообщением индивидом и его окружением. Иными словами, идентификации незнакомого элемента способствует контекст (в модели акцент делается на социально-культурной составляющей) в широком смысле слова.

Третья глава «Моделирование процесса идентификации незнакомого слова» посвящена описанию проведённого нами поэтапного исследования (2009–2014 гг.), направленного на изучение различных аспектов названной темы.

Проблемой идентификации слова занимались многие авторы, нами учитывались работы представителей Тверской психолингвистической школы, рассматривающих слово как достояние индивида. Особое внимание мы уделили работам, рассматривающим стратегии идентификации слов носителями языка (Тогоева 1989, 2000; Лачина 1993; Медведева 1998, 1999, 2003; Родионова 1994; Сазонова 1993, 2000; Шумилина 1997 и др.). Наше исследование учитывает то, каким образом разного рода задания и условия (специфика отобранного материала, условия его предъявления, возрастные и другие особенности Ии.) могут повлиять на осуществление догадки о значении слова. Для объяснения механизма восприятия и понимания текста целесообразным представляется сочетание двух подходов: (I) идентификации слова и/или текста на знакомом / родном языке и (II) обращения к текстам на искусственном языке (в нашем случае – эсперанто) или псевдофразам, когда контекст «создаётся» самим индивидом.

Нами были проведены пять экспериментов, материалом для которых послужили: псевдофразы на русском языке (эксперимент 1); текст на языке эсперанто (эксперимент 2); неологизмы, окказионализмы и незнакомые слова английского языка, а также предложения с этими словами (эксперимент 3); слова и предложения русского языка (эксперимент 4); псевдофраза на английском языке (эксперимент 5). Отметим, что Ии. варьировались по уровню владения языком: часть из них (дети 6–9 лет) владела языком на уровне среднего образования (эксперимент 4), часть (студенты 18–21) – на уровне высшего специального образования (эксперименты 1, 2, 3, 5). Все Ии. были двуязычными, но в разной степени: для участников экспериментов 1, 2, 3, 5, проводившихся в России на базе ТвГУ, русский язык являлся родным, для участников эксперимента 4, проводившегося в Германии на базе

образовательного центра для детей и взрослых «Исток» (Kulturzentrum für Kinder und Jugendliche e.V. Istok), русский язык был иностранным. Ниже представлена более подробная информация о проведённых экспериментах.

1. *Эксперимент 1* (далее – Э1) проводился на материале псевдофраз; от Ии. (18 студентов II и III курсов факультета ИЯ и МК английского отделения ТвГУ) требовалось записать, о чем идёт речь в трёх предъявленных фразах. Общее количество полученных ответов составило 386. Ход и результаты эксперимента описаны в параграфе 3.2 реферируемой работы.

2. *Эксперимент 2* (далее – Э2) включал работу с текстом на языке эсперанто; от Ии. (11 студентов IV курса факультета ИЯ и МК английского отделения ТвГУ) требовалось выполнение двух заданий: найти в тексте (отрывке из поэтического произведения известного русского поэта, переведённым на эсперанто) слова, которые могут помочь понять смысл текста, и надписать над ними предполагаемый перевод или ассоциативную реакцию; затем объявлялась первая строка оригинала текста, задание оставалось прежним. Было получено 640 ответов. Подробное описание представлено в параграфе 3.3.

3. *Эксперимент 3* (далее – Э3) предполагал работу с незнакомыми словами, неологизмами, окказиоанализмами английского языка; от участников (10 студентов V курса факультета ИЯ и МК английского отделения ТвГУ) требовалось дать реакции на предъявленные слова вне контекста, а затем опознать эти же слова в контексте. По двум этапам эксперимента было получено 180 ответов. Ход и результаты эксперимента описаны в параграфе 3.4.

4. *Эксперимент 4* (далее – Э4) проводился на материале русских слов и предложений. Сначала участники эксперимента (18 детей-учащихся образовательного центра для детей и взрослых «Исток» в г. Бохум, Германия) давали ассоциации на отдельные слова русского языка, затем работали с этими же словами в предложениях. Общее число ответов – 356. Подробнее об эксперименте – в параграфе 3.5.

5. *Эксперимент 5* (далее – Э5) предполагал работу с псевдофразой на английском языке. От Ии. (57 студентов I курса факультета ИЯ и МК английского, немецкого и французского отделений ТвГУ) требовалось написать, как они понимают предъявленную фразу. Ии. дали 531 ответ. Подробнее об эксперименте – в параграфе 3.6.

Общее количество всех полученных ответов Ии. – 2093.

Следует особо подчеркнуть, что в наши цели входило обнаружение *базовых* стратегий и опор, поэтому приоритетным было варьирование характера используемых слов и условий их предъявления. Совокупность полученных ответов Ии. позволяет сделать следующие обобщения.

Результаты проведённых экспериментов показывают, что при опознании незнакомого слова индивид прибегает к различным схемам действия, начиная с восприятия *формы* слова, что предполагает подключение общеизвестного процесса синтеза через анализ, когда понимание целого достигается через анализ составляющих его компонентов, и опираясь на внутриязыковые ключи,

связанные с исследуемым словом, т.е. на фонологические, орфографические, морфологические показатели и заканчивая подключением *контекста*, общих (энциклопедических) знаний и личностных факторов на восприятие и понимание текста как единого целого. *Переплетение* разного рода структурных опор (как внутриязыковых ключей, связанных с исследуемым словом, так и контекстуальных ключей) обеспечивает выход на более объективную картину того, о чём говорится в тексте.

Общей для всех экспериментов оказалась опора индивида на формальные признаки слова, к которым относятся его графическая, структурная и фонетическая составляющие, способствующие возникновению ассоциаций по сходству звукобуквенного комплекса и сходству морфем. Даже наличие контекста не побуждало Ии. отказаться от этой стратегии, очевидно, в силу того что информация, заложенная в форме слова, является наиболее рельефной и, следовательно, доступной Ии. При этом слово воспринимается либо целостно (холистический подход), либо как комбинаторная (выявляемая посредством декомпозиции) единица, на основе чего вырисовывается «образ» слова. При этом инкорпорированное в лексикон новое слово переживается человеком как знакомое и активизирует различные образы; процесс идентификации незнакомого слова – эвристический поиск, в ходе которого Ии., как показывает опыт проведённого исследования, могут приписывать ему и неверные значения: RIBELA – *rebellion, рябит, бунтующий*; JAROJ – *ярый, жара*; NEBUL – *небо, небыль*; LARMOJ – *der Larm, la larm*; EXILO – *exist* (Э2); SLIMNASTICS – *gymnastics, aerobics*; NOGOODNIK – *негодник, озорник*; NUDNIK – *зануда, нудистский* (Э3); КИСЕЛЬ – *der Kessel*; МАНЕКЕН – *Männchen*; ЭЛЬФЫ – *elf, 11* (Э4).

Наряду со стратегией опоры на звукобуквенный комплекс отмечена стратегия опоры на личностный опыт и знания, предполагающая яркий образ: BLIZZARD – *Entertainment*; PROMISCUOUS – *Nelly Furtado*; PULLMAN – *Bill* (Э3); ЛОЗУНГ – *Slogan im Supermarkt z.B. Real: Einmal hin, alles drin* (*Real* – название супермаркета в Германии) (Э4). Эти примеры – очевидная демонстрация некоего образа, стоящего за словом и отражающего культурный опыт Ии., представленный элементами ситуации, являющейся фрагментом индивидуальной картины мира. Приведённые примеры отражают два подхода к восприятию незнакомых слов: *аналитический*, когда Ии. осуществляет догадку на основе логических размышлений, и *эмоционально-оценочный*, предполагающий привнесение себя и своего опыта / знания в процедуру опознания. Стоит, однако, отметить, что в обоих случаях имеет место актуализация некоего образа на выходе. Вслед за Н.И. Кургановой, мы считаем, что существует два способа осмысления информации: понятийно-логический и ситуативно-образный. Говоря о двух типах схем – предикативных и образных, автор отмечает, что такие схемы задают формат идентификации слова на когнитивном уровне и являются важным параметром операционального знания (Курганова 2013).

Если речь идёт об идентификации незнакомой единицы в тексте на иностранном языке, важно, чтобы формируемый образ вписался в окружение слова, как синтаксическое, так и лексико-семантическое.

Перечисленные выше стратегии применяются либо в комплексе / параллельно, либо последовательно. В любом случае важно следить за тем, чтобы не произошла конфронтация параметров порядка на разных уровнях (графическом, фонологическом, морфологическом, синтаксическом и лексико-семантическом). Ответственным за это является метакомпонент, выбирающий «лидера» среди параметров порядка, задающего вектор движения / развития системы таким образом, чтобы она пришла в состояние равновесия. Приведём несколько примеров такой конфронтации: *Он выпил стакан киселя* – теперь стимул воспринимался не как *der Kessel* или *сел, ель* в силу своего фонологического и морфологического облика, а как *Getränk, Saft* (напиток, сок), поскольку этого требовало «окружение»; *Сын кланчил игрушку у отца в магазине* – замечен отказ Ии. от варианта *кланица*, базирующегося на сходстве звукобуквенного комплекса, теперь контекст диктует другое значение – *beten, fragen* (просить, спрашивать) (Э4); слово *apologize* (пример из педагогической практики), вне контекста идентифицированное как *полагаться*, в предложении *He apologized for his mistake* обретает свойственное ему значение; то же касается слов *delete* (*делить*), *competitive* (*компетентный*), *divorce* (*диверсия*), *still* (*стильный*), *scholarships* (*какие-то корабли*), *polite* (*политика*), *hazardous disease* (*заразная*), которым были приписаны неверные значения, ставящие респондентов впоследствии в тупик. Итак, «окружение», с одной стороны, загоняет в угол, с другой стороны, выявляет ошибочную догадку, указывая на несоответствие параметров порядка на разных уровнях, стимулируя тем самым дальнейший поиск верного значения посредством действия метакомпонента.

Рис. 2 показывает, как распределилось использование Ии. перечисленных стратегий на разных этапах эксперимента в зависимости от условий и характера заданий. Рисунок отражает ситуацию идентификации слов в контексте и позволяет выявить доминантную стратегию для каждого из этапов. Отметим, что на рисунке имеются в виду русские слова и предложения, предъявленные детям в Германии. Отмечено явное преобладание стратегии опоры на окружение слова на последних двух этапах, в то время как работа с псевдофразами и эсперанто шла с опорой на форму предъявленных слов и опыт Ии. соответственно. Подобные результаты можно объяснить тем, что на последних двух этапах исследования велась работа по идентификации неизвестного элемента, вписанного в знакомое окружение, которое предоставляет дополнительные ключи и подсказки. Первые же два этапа исследования предполагали работу по опознанию неизвестного слова, помещённого в неизвестное Ии. окружение, представляя собой своего рода уравнение с двумя неизвестными, что, с одной стороны, усложняет задачу, поскольку довольно сложно прочесть такой текст линейно (особенно если первый элемент не несёт для индивида никакой смысловой нагрузки), вместо этого применяется спорадическое чтение (Ии. «цеплялся» то за один, то за

другой элемент текста), с другой стороны, даёт больший простор для «творчества»; неслучайно именно эти этапы характеризуются словосочинительством, словотворчеством со стороны Ии. (*новогодник, годник, многостоящий* вместо *дорогостоящий, мелобелый, мелкобелый, мурской* и др.). Тем не менее, подобные записи всё же демонстрируют следование Ии. определённым продуктивным моделям, системным типам; при создании потенциальных слов осуществляется реализация законов словообразования, что свидетельствует о наличии в сознании индивида строительных элементов, из которых по мере необходимости создаются слова. Такое распределение свидетельствует о превалировании *эмоционально-оценочного* подхода на первом и втором этапах и *логико-рационального* подхода на третьем и четвёртом этапах исследования, при этом в обоих случаях слово выступает как оператор, порождающий ряд сложных ассоциаций на разных уровнях (как языковых, так и неязыковых), как носитель некоего кванта информации. Вместе с тем необходимо всё же отметить диалектическое единство двух этих подходов.

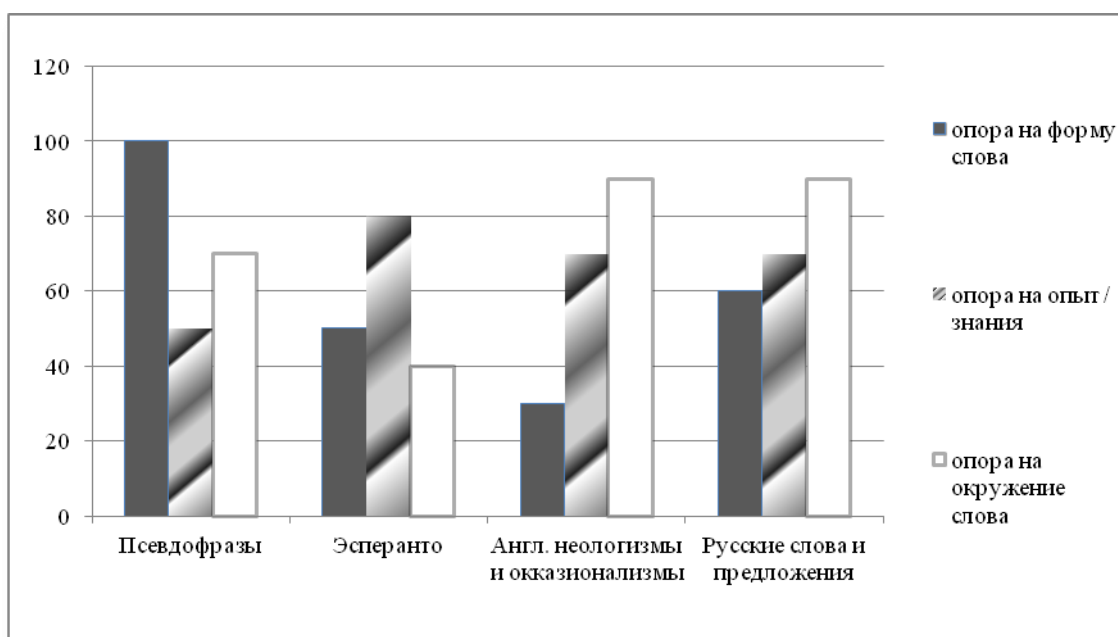


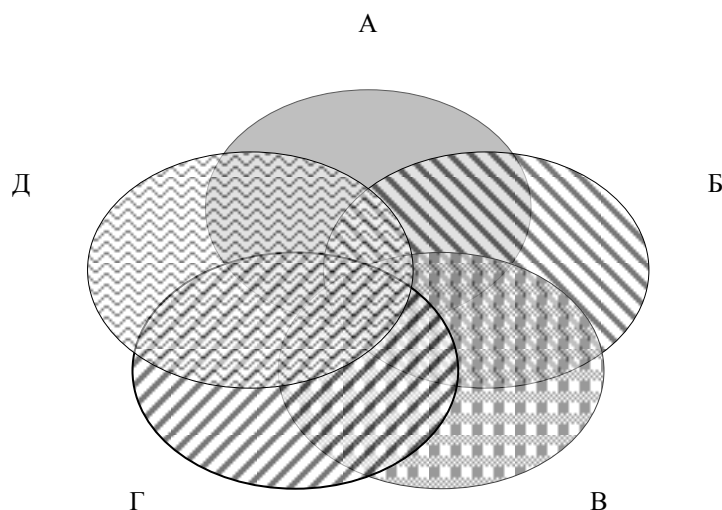
Рис. 2. Использование стратегий Ии. на разных этапах исследования

Проведённый вертикальный анализ полученных реакций свидетельствует, что Ии. уже после предъявления для идентификации четвёртого-пятого слова вырабатывают определённую доминантную стратегию поведения, которой придерживаются в дальнейшем, что может как упростить, так и усложнить поиск значения. Остальные стратегии «подключаются» как вспомогательные, в случае необходимости перенимая на себя ведущую роль. Посредством стратегий текст, физически конечный и предельный, может интерпретироваться многими способами, но не любыми, поскольку текст – структурное образование, кроме того, интерпретация сопровождается познавательными

процессами (действие логико-рационального подхода), что накладывает определённые ограничения на процесс интерпретации сообщения / текста.

Суммарный анализ данных, полученных в ходе проведённых экспериментов, предоставил обширный материал для выявления различных стратегий и опорных элементов (функциональных ориентиров), используемых для идентификации незнакомого слова в тексте на иностранном языке. Результаты нашего исследования позволяют говорить о *многоуровневом* характере функционирования слова в сознании респондентов: «глубина» идентификации значения слова определяется формальными, семантическими, когнитивно-дискурсивными и метакогнитивными характеристиками используемых опор и осуществляемых действий. А.А. Залевская, говоря о специфике лежащего за словом живого поликодового гипертекста, отмечает, что идентифицируемое слово немедленно включается в широчайшую сеть связей, учитываемых на разных уровнях осознаваемости и обеспечивающих переживание слова как понятного (Залевская 2012: 57). Каждая языковая единица может интерпретироваться посредством другой языковой / семиотической единицы или любого другого знания, что изображается спиралевидным движением, которое может совершаться *ad infinitum*, до бесконечности.

Анализ ответов Ии. также показал, что включённость человека в широкую сеть отношений влияет на догадку о значении слова (например, Ии. могли опираться на свой социальный и/или культурный опыт, знание других языков, эмоциональное состояние и т.д.). Понимание человеческого фактора требует междисциплинарного подхода, что отражено на рис. 3.



- А – биологический фактор (человек как представитель вида)
- Б – фактор психической деятельности (человек как личность)
- В – социокультурный фактор (человек как представитель социума и носитель культуры)
- Г – «рацио» фактор (человек как Homo sapiens)
- Д – языковой фактор (человек как языковая личность)

Рис. 3

Рисунок отражает многоплановость миров, в которые помещён человек: «Человек – это непрерывность перехватов его тела и мысли с окружающим миром: мир охватывает человека в точке его тела, а человек охватывает мир в круге своей мысли» (Эпштейн 2004). Такое диалектическое понимание человеческого бытия как совокупности «души» и «тела» даёт право говорить о комплексном подходе к рассмотрению человека (Золотова [http](http://); Петров 1997; Цоколов 1996) и, следовательно, языка, ведь «язык является аналогом человека», объединяя в себе материю и дух (Арутюнова 2000). Здесь считаем нужным оговорить, что проблеме соотношения «тело–разум» посвящён целый ряд работ (см., например, [Величковский 2006; Газарова 2002, 2005; Залевская 2002, 2005, 2006; Зинченко 1998, 2005; Карасева 2007; Леви 2005а, 2005б; Петренко 1997, [http](http://); Сеченов 1958; Соколова 2005; Damasio 1999; Ruthrof 1997, 2000; Pulvermuller 2002; Stringaris A. et. al. 2007]), по-разному трактующих эти две составляющие одного целого, разделяющие «тело» и «телесность» и т.д.; в задачи нашей работы не входит детальное обсуждение данного поля вопросов, существенным является лишь то, как диалектическое единство «тело–разум» влияет на процесс идентификации «живого слова».

Именно такой подход отвечает целостности человека, предполагающей неразрывность перцептивных и когнитивных процессов и эмоционально-оценочных переживаний, взаимодействие тела и разума, включённость человека одновременно в макро- и микроконтексты со всеми вытекающими отсюда следствиями: жизнь любого организма должна рассматриваться как процесс его взаимодействия со средой (Имото 2006; Кравченко 2004; Сонин 2002; Трофимова 2006; Maturana 1970, 1978). Сама идея целостности и всеединства не нова, достаточно вспомнить греческих философов и постулируемый ими принцип «всё во всём», чтобы в этом убедиться: философские положения Гераклита, Ксенофана, Анаксагора, выраженные формулами *panta hen, panta en panti* (всё едино, во всём есть часть всего), говорят о единстве, в этой связи нельзя не упомянуть диалектику единого у Платона. Итак, роль человека в процессах порождения и восприятия смыслов, репрезентированных языком, невозможно игнорировать, как бы ни хотелось создать лингвистику «объективную», лишённую влияния субъективной деятельности индивида (Пищальникова 2013). Резюмируя, отметим, что авторы сходятся во мнении, что человек – открытая, «незавершённая», «процессуальная» система, подверженная воздействию извне (Баталов 2006; Менегетти 2005); именно это определяет процесс идентификации слова.

Возвращаясь к психолингвистике, отметим, что тот же принцип – принцип взаимосвязанности и внутренней сопринадлежности – позволяет по-новому взглянуть на проблему понимания и идентификации слова, учитывая не только рациональную составляющую этого процесса; полноценным его делает рассмотрение через призму индивидуального сознания / подсознания, работу которого демонстрируют всевозможные схемы действия, опоры и стратегии,

обеспечивающие догадку о значении слова на пересечении физического, рационального и личностного миров человека.

Итак, при встрече с незнакомым элементом индивид воспринимает и «обрабатывает» представленную на входе информацию, которая посылает импульс к различным уровням восприятия и опознания незнакомого слова (как языковым, так и неязыковым). Этот процесс представляет собой не простое «считывание», а выход за рамки непосредственно данной информации. Полученные в ходе исследования результаты позволили нам построить модель процесса идентификации незнакомого элемента индивидом (см. рис. 4).

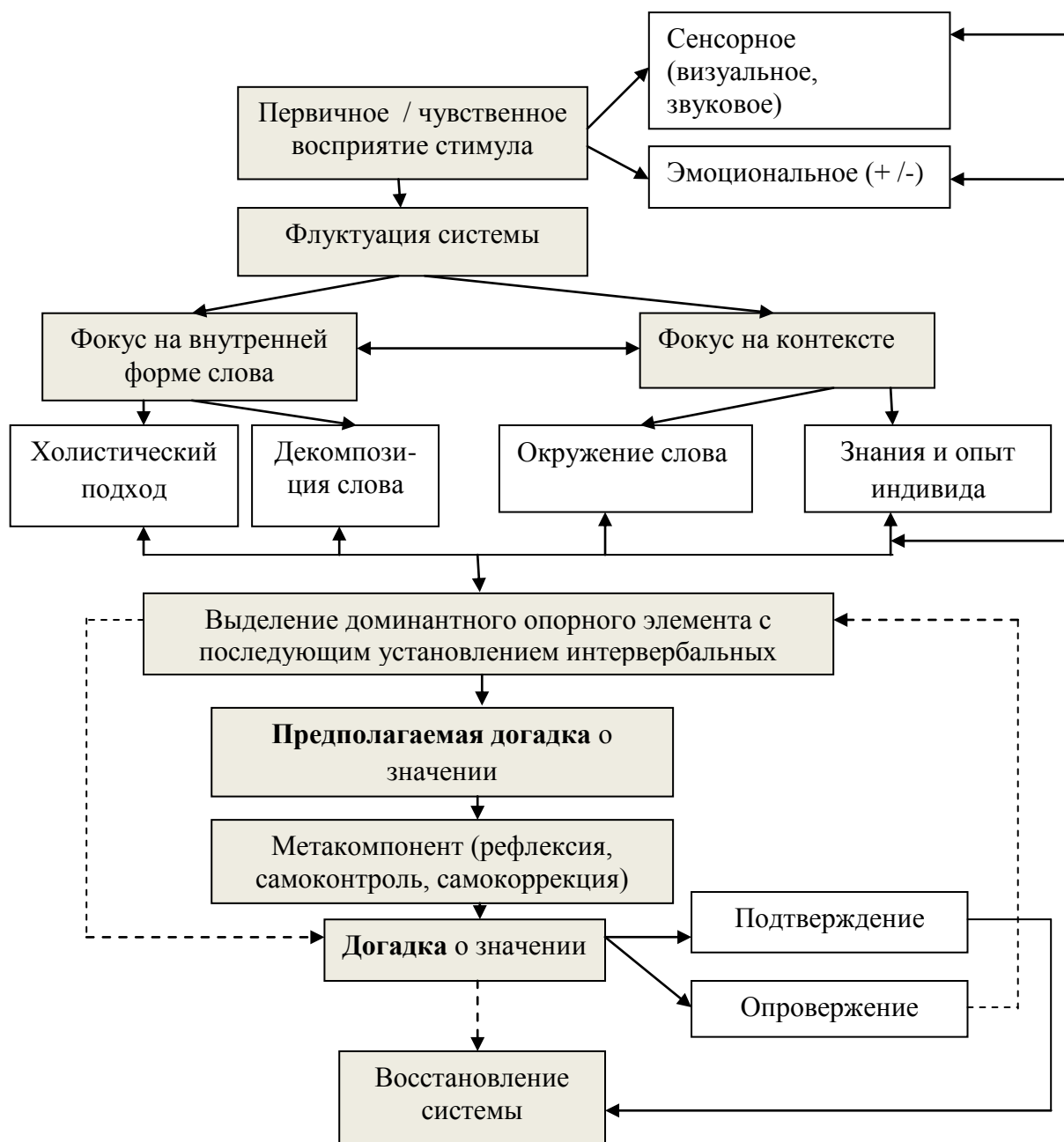


Рис. 4

Предлагаемая нами модель иллюстрирует опору индивида на формальные признаки слова, к которым относятся графическая и/или фонетическая составляющая стимула, способствующие возникновению ассоциаций по сходству звукобуквенного комплекса и сходству морфем. Анализ полученных данных показывает, что стратегия фокусирования на внутренней форме слова является общей для всех этапов исследования. При этом слово воспринимается либо как целостная (холистический подход), либо как комбинаторная (посредством декомпозиции) единица, на основе чего вырисовывается «образ» слова. При этом инкорпорированное в лексикон новое слово переживается человеком как знакомое и активирует различные образы, искомое значение постоянно модифицируется и развивается.

В заключении обобщаются результаты выполненной работы, предлагаются общие выводы, прогнозируются возможные перспективы дальнейшего исследования.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях.

Публикации в рецензируемых научных журналах

1. *Саркисова Э.В.* Модели ментального лексикона билингва / Э.В. Саркисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 10. С. 200–207.
2. *Саркисова Э.В.* Роль чтения при идентификации слова / Э.В. Саркисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2012. № 24. С. 190–197.
3. *Саркисова Э.В.* Стратегии и опоры при идентификации слов детьми-билингвами / Э.В. Саркисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 24. С. 295–302.
4. *Саркисова Э.В.* Многоуровневый характер идентификации незнакомых слов / Э.В. Саркисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2013. № 24. С. 287–292.
5. *Саркисова Э.В.* Моделирование процесса идентификации незнакомого слова / Э.В. Саркисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 2. С. 346–351.

Другие публикации

6. *Саркисова Э.В.* Структурные опоры при понимании текста / Э.В. Саркисова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Вып. 9. С. 105–112.
7. *Саркисова Э.В.* Структурные опоры при понимании псевдофразы (экспериментальное исследование) / Э.В. Саркисова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. Вып. 9. С. 112–118.
8. *Саркисова Э.В.* Экспериментальное исследование структурных опор при понимании псевдофразы / Э.В. Саркисова // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: материалы межвуз. науч.-

- практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. С. 37–41.
9. Саркисова Э.В. Структурные опоры при восприятии текста на незнакомом языке / Э.В. Саркисова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2010. № 5. С. 193–201.
 10. Саркисова Э.В. Эксперимент с текстом на языке эсперанто / Э.В. Саркисова // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: материалы межвуз. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. С. 74–78.
 11. Саркисова Э.В. Стратегии и опоры при идентификации незнакомых слов иностранного языка (экспериментальное исследование) / Э.В. Саркисова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2010. Вып. 10. С. 143–148.
 12. Саркисова Э.В. Моделирование догадки о значении незнакомого слова / Э.В. Саркисова // Современная российская наука глазами молодых исследователей: материалы Всероссийск. науч.-практич. конф.-форума молодых учёных и специалистов (февраль 2011). Красноярск: Научно-информационный центр, 2011. С. 107–109.
 13. Саркисова Э.В. Стратегии и опоры при идентификации незнакомых слов иностранного языка (экспериментальное исследование) [Электронный ресурс] / Э.В. Саркисова // Студенческий научный форум: материалы 3 общероссийской студенческой электронной научной конференции (февраль 2011). Режим доступа: <http://www.rae.ru/forum2011/18/2236>.
 14. Саркисова Э.В. Подходы к чтению на иностранном языке / Э.В. Саркисова // Научная дискуссия: инновации в современном мире: материалы VI междунар. заочн. науч.-практич. конф. М.: «Международный центр науки и образования», 2012. С. 81–87.
 15. Саркисова Э.В. Ментальный лексикон как динамическая и самоорганизующаяся система [Электронный ресурс] / Э.В. Саркисова // XIX междунар. науч. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2012». М.: МГУ, 2012. Режим доступа: http://lomonosov.msu.ru/archive/Lomonosov_2012/structure_27_1904.htm.
 16. Саркисова Э.В. Интерактивные подходы к чтению на иностранном языке / Э.В. Саркисова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2012. Вып. 12. С. 83–89.
 17. Саркисова Э.В. Метаязыковые способности детей-билингвов при восприятии текста на иностранном языке / Э.В. Саркисова // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: материалы межвуз. науч.-практич. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 74–78.
 18. Саркисова Э.В. Визуальное опознание слова как основа чтения / Э.В. Саркисова // Слово и текст: психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. Вып. 13. С. 133–136.

19. *Саркисова Э.В.* «Человеческий» фактор в процессе идентификации незнакомого слова [Электронный ресурс] / Э.В. Саркисова // Языковая действительность и действительность языка: Интернет-конференция, посвящённая памяти А.Д. Травкиной. 2013. Режим доступа: <http://rgf.tversu.ru/sites/default/files/doc-files/Sarkisova-2013.pdf>.
20. *Саркисова Э.В.* Попытка понять фразу на несуществующем языке: стратегии и опоры / Э.В. Саркисова // Диалог языков и культур: лингвистические и лингводидактические аспекты: материалы всероссийской (с международным участием) науч.-практич. конф. молодых учёных. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С. 55–57.
21. *Sarkisova E.V.* The Role of the reading process in word identification [Text] / E.V. Sarkisova // European science and technology: materials of the 3rd international research and practice conference. Munich, 2012. P. 191–195.